

А.Ю. Сеницын

О ТВОРЧЕСТВЕ МАСТЕРА НАГАСОНЭ КОТЭЦУ

Статья посвящена наследию величайшего японского кузнеца мечей середины — второй половины XVII в. Нагасонэ Котэцу, его драматической судьбе, творческим исканиям, особенностям его стиляковки мечей и его вкладу в развитие традиции художественного японского меча.

Ключевые слова: Котэцу, меч, доспех,ковка, Япония, Эдо, Токугава.

Нагасонэ Котэцу вошел в историю *нихонто* как один из лучших кузнецов мечей XVII в. и один из основателей традиции «нового меча» — *син-то*. Точные годы его жизни неизвестны, различные авторы называют разные даты: год рождения — 1596, 1597, 1600 или 1605; дата смерти — 1673 или 1678; скончался мастер в возрасте примерно 73–74 лет.

Начало жизни мастера пришлось на переломную эпоху: закончился период феодальной раздробленности с бесконечными междоусобными войнами, и начался длительный период относительно мирной жизни под жестким правлением сёгунов рода Токугава. Рождение мастера совпало с годами обострения внутренних конфликтов между крупнейшими военными феодальными домами. В 1598 г. скончался военный диктатор Тоётоми Хидэёси, сумевший объединить все провинции Японии под своим мечом и начавший большую войну с Кореей и Китаем, которая завершилась вместе с его смертью. Японские войска, не сумевшие утвердиться на Корейском полуострове, вернулись на свои острова, разграбив и разрушив Корею и вывезя оттуда все, что можно было погрузить на корабли (в том числе большое количество оружия и запасов готового железа). В 1600 г. имел место раскол самурайской элиты на две большие коалиции — т.н. «Восточную армию» во главе с Токугава Иэясу, чья ставка была в г. Эдо на востоке о. Хонсю, и «Западную армию» во главе с Исида Мицунари, объединившим самурайских князей юго-западной Японии и выступавшим под эгидой защиты интересов дома Тоётоми, со ставкой в г. Осака. Конфликт разрешился в грандиозной битве при Сэкигахара; «Западная армия» была

разгромлена, составлявшие ее военные дома — наказаны, Исида Мицунари и еще ряд военачальников — схвачены и казнены. Победитель же Токугава Иэясу основал сёгунат Токугава, правивший Японией до 1868 г.

Новой политической и военной столицей страны стал г. Эдо, выросший вокруг огромного Эдоского замка и к началу XVIII в. насчитывавший до миллиона человек населения. Однако в XVII в. г. Эдо только начинал превращаться в подлинную столицу; при этом имело место определенное противопоставление «восточной столицы» (Эдо) таким центрам Западной Японии, как Киото («старая столица», древняя резиденция императоров, сохранявшая в XVII в. лидерство в культурном плане) и Осака (на тот момент самый большой и развитый в экономическом отношении город Японии, а также резиденция семьи Тоётоми). Однако окончательный разгром семьи Тоётоми и уничтожение Осацкого замка в 1615 г. вместе с введением жесткого контроля за императорским двором со стороны *Токугава бакуфу* привели к значительному снижению роли центров Западной Японии и в экономическом, и в культурном отношениях. Для огромного числа самураев, а также обслуживавших их торговцев и мастеров центром притяжения стал г. Эдо.

Правительство (*Токугава бакуфу*) взяло под жесткий контроль и феодальные дома Японии. Было резко ограничено число самураев в княжеских дружинах, что привело к падению спроса на оружие, особенно — на доспехи и военное снаряжение. Соответственно, многие мастера-оружейники, обслуживавшие провинциальные княжеские дома, были вынуждены менять профессию или переселяться в другие места (в тот же г. Эдо), где их произведения были востребованы.

К концу XVI в. произошли серьезные изменения в подходах к ковке мечей: в начале эры Кэйтё (1596) были зафиксированы угасание т.н. традиции «старых мечей» (*кото*) и постепенное становление традиции «новых мечей» (*синто*) [Баженов 2001: 160]. Причин называют много: исчезновение многих старых школ (включая физическое уничтожение семей мастеров); утрата старых технологий, неоднократное изменение методов ведения войны и требований к вооружению (включая перенос акцентов с качества клинка на их количество); изменение эстетических предпочтений, вкусов

и «самурайской моды» и т.д. Все это привело к общему снижению качества мечей, застою и даже деградации традицииковки, хотя известно значительное число мастеров той эпохи, ковавших вполне достойные клинки, ярких имен (новаторов, подобных Масамунэ) фактически не было. Большинство мастеров ограничивало себя жесткими рамками специализации своей школы и сложившимся набором устоявшихся, испытанных временем техник, передававшихся из поколения в поколение, что обеспечивало предсказуемый и вполне качественный результат работы, однако не способствовало творческому и экспериментаторскому подходу.

Вступление Японии в начале XVII в. в длительный период относительно мирной жизни серьезно изменило и сам образ жизни самурайского сословия. Стала развиваться торговля, возникла т.н. «городская культура», новые «центры притяжения» мастеров, у которых появилось больше возможностей изучать разные стили и традиции кузнечного дела, что привело к некоторому нивелированию т.н. «пяти традиций» (*гокадэн*) «старого меча». Вновь появился спрос на дорогие качественные клинки, но при этом изменилась технология их производства: многие кузнецы отказались от собственноручного трудоемкого (и, следовательно, нерентабельного) производства стали *тамахаганэ* в архаичных плавильнях *тата*ра и стали закупать уже готовую сталь, как произведенную в самой Японии, так и вывезенную из Китая и Кореи или закупленную у европейских (португальских) купцов, которых называли *намбандзин* — «южные варвары», а импортную сталь — *намбан-тэцу* («железо южных варваров»). Многие знаменитые кузнецы XVII в., включая школы Ясуцугу из Этидзэн, Ясусада из Ямато и Тадаёси из Хидзэн, часто использовали для своих работ *намбан-тэцу* [Sesko 2012: 154–159]. Так, в собрании МАЭ РАН есть клинок школы Ясуцугу (колл. № 2719-2), на хвостовике которого после имени мастера надпись указывает, что клинок выкован именно из *намбан-тэцу*.

Существенные изменения коснулись формы клинка и стилиа оправы: длинные изящные тати стали уступать место практичным катана и вакидзаси, носившимся как пара *дайсё*. Все эти новшества стали включаться в понятие традиции *синто* «новый меч». И хотя время зарождения этой «новой» традиции относят к началу эры Кэйтё (1596), окончательно она оформилась в эру Камбун (1661).

Новая традиция подразумевала новые громкие имена, и одним из таких имен стал Котэцу, родившийся, по одной из версий его биографии, в первый год Кэйтё.

Собственное имя мастера — Нагасонэ Окисато 長曾禰祢興里. Он принадлежал к семье потомственных кузнецов-оружейников, специализировавшихся на ковке стальных деталей доспехов и шлемов, а также, поскольку семья не относилась к числу знаменитых мастеров, занимавшихся и другими видами кузнечного ремесла: ковкой стволов для *хиनावадзю* (мушкетов, цуба и прочих металлических деталей оправы), а также вполне «гражданских» предметов (топоров, серпов, гвоздей и т.д.). Его отец Нагасонэ Саньэмон Тосимицу был представителем третьего поколения семьи, обитавшей в деревне Нагасонэ 長曾禰 (или 長曾禰祢) в провинции Оми (расположенной в том же районе Кансай, где находятся Осака и Киото), рядом с замком Саваяма, принадлежавшего владетельным князьям Исида, на которых и работали все оружейники из Нагасонэ. Поскольку Исида Мицунари, глава этого княжеского дома, став личным врагом Токугава Иэясу, был разгромлен им в битве при Сэкигахара, весь род Исида был подвергнут жестоким гонениям; по самурайскому обычаю, после поражения выжившие представители рода Исида убили своих женщин и детей, сожгли замок, а сами совершили сэппуку [Yoshikawa...].

Таким образом, лишившись покровителя, оружейники со своими семьями покинули свою деревню и разбрелись кто куда, однако многие из них сохранили ее название «Нагасонэ» в качестве фамилии. Японские исторические документы зафиксировали в разных провинциях страны нескольких кузнецов, носивших эту фамилию. Как представляется, семья Нагасонэ переехала в соседнюю провинцию Этидзэн, где отец будущего мастера продолжил заниматься своим ремеслом и обучил ему своего сына, а потом передал ему фамильную кузню. Точно неизвестно, родился Котэцу до переезда семьи из Оми в Этидзэн или уже после того, но своей родной провинцией он считал Этидзэн. Нагасонэ Окисато (Котэцу) стал профессиональным потомственным кузнецом, ковавшим доспехи. Его изделия были вполне добротными, однако семья Нагасонэ не имела такой популярности, как специализировавшиеся на доспехах именитые семьи кузнецов Мётин, Акао или Муроя.

В провинции Этидзэн Нагасонэ Окисато прожил до 50 лет, а затем резко сменил место жительства и специализацию — переехал на восток Японии в г. Эдо и начал заниматься ковкой мечей, взяв новое имя — Котэцу; при этом он обрил голову и стал буддийским монахом, продолжая жить в миру. В Японии подобных монахов-мирян называли «нюдо» 入道 — «ступивший на Путь». На одном из первых мечей, выкованных Котэцу, есть длинная подпись: «*Хонгоку Этидэн-дзю нин ханбяку-ни ситаттэ Бусю Эдо ни кэдзюсу кадзи-но косэй-о цукусу номи*» — «[Изготовил] человек, проживший полсотни лет в родной стране Этидзэн, посвятил себя ковке мечей в Эдо, Бусю (то есть провинция Мусаси)». Точные причины такого резкого поворота судьбы не очень известны. Возможно, мастер, обретя за 50 лет большой профессиональный опыт работы со сталью, решил попытать счастья в столице, переориентировавшись на производство клинков — «рынок» доспехов в мирное время был перенасыщен, а новые хорошие мечи всегда пользовались спросом. Тем более что провинция Этидзэн славилась своими кузнецами, ковавшими мечи, — оттуда родом был и «тот самый» Ясуцугу, работавший на дом Токугава. Кроме того, центром провинция Этидзэн был замок Фукуи, принадлежавший ответвлению семьи Токугава; скорее всего, Котэцу к моменту переезда в Эдо уже имел влиятельных покровителей, способствовавших продвижению его «бренда». И, как представляется, еще в период жизни в Этидзэн Котэцу уже имел солидный опытковки мечей и определенную репутацию.

О причинах, побудивших Котэцу к переезду в Эдо, сохранились два анекдота сомнительной правдоподобности. Первый гласит, что в бытность свою в Этидзэн Котэцу ковал клинки и некий самурай заказал ему катана. Когда клинок был уже выкован, но еще не закален, заказчик пожелал взглянуть на свой будущий меч. Работа Котэцу ему не понравилась, самурай высказал мастеру свое разочарование и оскорбительное для его чести сомнение в том, что этим клинком можно будет хоть кого-нибудь убить. Котэцу тогда взял этот клинок и одним движением зарубил своего обидчика. После этого мастеру пришлось бросить дом и кузницу и бежать в Эдо [Sesko 2012: 148].

Другой анекдот повествует об испытании шлема, выкованного Котэцу по заказу князя Маэда Тосимицу, который пожелал посмотреть, как шлем может защитить голову воина и насколько способен

выдержать удар меча (было известно, что хороший меч разрубает любой шлем). Котэцу был известен как мастер, куящий крепкие шлемы. Его «оппонентом» был приглашенный из провинции Кага кузнец Тёбэй Киёмицу (в разных версиях истории даются разные имена кузнеца, что свидетельствует о ее вымышленном характере), чьи мечи славились способностью разрубать доспехи. Шлем был установлен на деревянную плашку, и Киёмицу уже занес свой меч — специально выкованный для этого испытания катана с тяжелым и длинным клинком. Однако перед самым ударом Котэцу заявил, что шлем установлен неправильно и его надлежит слегка развернуть, что тут же и проделал. Киёмицу в раздражении остановил занесенный клинок, и ему пришлось повторить замах. Однако он уже потерял концентрацию, и удар не получился — клинок вошел в шлем всего лишь на 1 сун (около 3 см). Для Киёмицу это был позор и потеря лица; он уехал из своей провинции, прекратил ковку мечей, начал пить с горя и опустил на самое дно общество. Котэцу тоже сожалел о своем поступке: своим ученикам он заявил, что поступил нехорошо и что меч Киёмицу непременно бы разрубил его шлем. После этого он в знак раскаяния прекратил ковать доспехи и шлемы и уехал с учениками в Эдо, где полностью посвятил себя ковке мечей. История получила продолжение: его приемный сын и ученик Окимаса имел связь с юной куртизанкой из одного заведения в Ёсивара (известный в Эдо район «красных фонарей»). Оказалось, что эта девушка — дочь Киёмицу, которая вынуждена была заниматься проституцией, чтобы содержать семью и отошедшего от дел отца. Котэцу, узнав об этом, занял в долг у одного из своих именитых заказчиков значительную сумму; на эти средства его ученик Окимаса выкупил девушку у владевшего ею заведения и женился на ней [Ibid.: 150].

Как бы там ни было, в Эдо дела у Котэцу шли весьма успешно. Он поселился, как свидетельствуют надписи на его клинках того времени, в районе горы Тоэйдзан, перед холмом Синобугаока (ныне — район Уэно), где располагался огромный буддийский храмовый комплекс Канэйдзи, служивший усыпальницей многих сёгунов Токугава. Некоторое время Котэцу учился у мастера Идзуми-ноками Канэсигэ, одного из лучших и самых известных кузнецов мечей в Эдо середины XVII в. Канэсигэ, как и Котэцу, был родом из Этид-

ээн, где занимался ковкой наконечников для стрел; в Эдо он стал учеником Ясуцугу I (который также был родом из этой провинции), что позволило ему войти в число привилегированных мастеров, связанных с *бакуфу*. Канэсигэ продолжал поддерживать контакты с мастерами этой школы в течение всей своей жизни. Канэсигэ благоволил своему земляку Котэцу и передал ему немало своих секретов. Стиль Идзуми-но ками Канэсигэ оказал очень большое влияние на стиль Котэцу, в частности на рисунок опиловки хвостовиков мечей и технику гравюры (*хоримоно*) на клинках (в стиле *Этидзэн-бори*), а также на форму клинка, паттернковки и т.д. Многие эксперты отмечают значительную близость стилей Канэсигэ и Котэцу и очевидное «духовное родство» их клинков.

Во время обучения профессиональной ковке мечей Котэцу продолжал изготавливать шлемы; так, известны рисунок шлема с подписью Котэцу, выкованного им в Эдо в первый год эры Мэйрэйки (1655), а также две цуба с подписью «Нагасонэ Окисато саку», датированные тем же периодом. Первый же известный подписанный меч, выкованный Котэцу, — это вакидзаси, датированный вторым годом эры Мэйрэйки — 1656 г. [Ibid.: 151].

В рейтинге японских кузнецов мечей Котэцу занимает весьма высокое место, хотя ковке мечей он посвятил лишь последние 20 лет жизни. Его клинки пользовались заслуженным спросом; его заказчиками были владетельные князья и представители дома Токугава. Его работы оцениваются как *сайдзё-саку* («высшая работа») и *сайдзё-овадзамоно* («исключительно острый клинок исключительно хорошей работы»). В списке восьми кузнецов Синто, удостоившихся такого признания, имя Котэцу стоит первым [Баженов 2003: 305]. Действительно, подлинные мечи Котэцу удивляли современников своей отменной прочностью и остротой лезвия; за способность разрубать любые предметы их называли *кабутто-кири* («разрубающий шлем») и *торо-кири* («разрубающий каменный фонарь»). Действительно, некоторые мечи Котэцу проходили в разное время *тамэсигири* (тестовые рубки) и легко разрубали и два, и три трупа, о чем на хвостовиках вырезались соответствующие надписи, инкрустированные золотом [Ogawa 2009: 184–185].

Некоторые поклонники клинков Котэцу называют его «вторым Масамунэ». Примечательно, что известный современный кузнец

и эксперт Кандзан Сато [Kanzan 1983: 118] заявляет, что стиль Котэцу очень близок к стилю ученика Масамунэ — Го Ёсихиро, но это всего лишь эпитет — между ними было почти три века. Китайская поговорка гласит: «Не ходи путями древних, но ищи то, чего искали они». Котэцу никогда не стремился копировать стиль Масамунэ, но был по своему духу таким же новатором и пытливым экспериментатором. Его не удовлетворяло простое следование сложившейся технологии; он искал свой путь, стремился познать сокровенные секреты качественной стали. Такой подход древних в сочетании с великой трудоспособностью позволил ему выйти за рамки ремесла и получать невиданные ранее результаты; он стремился не к увеличению количества, а к созданию исключительных по свойствам клинков. Наряду с отменной прочностью и остротой Котэцу придавал им необыкновенно яркое сияние линии *хамон* и поверхности (*дзихада*). Многие исследователи творчества Котэцу считают, что, хотя он и является одним из лучших кузнецов периода *синто*, по качеству и технологии его работы скорее относятся к *кото* — «старым мечам», ибо мастер необыкновенно, на грани с магией, чувствовал фактуру стали. И вместо популярного *намбантэцу* использовал старую сталь *тамахаганэ*. Об этом говорит и само его имя — Котэцу 古鉄 (古鐵) буквально означает «старое железо». Так мастер подписывал клинки на первом этапе своей деятельности в качестве кузнеца мечей, длившемся до 2-го года эры Мандзи (1659).

Новый этап своего мастерства Котэцу отметил сменой написания иероглифов в своем имени: 古 «ко» («старый») заменил на 虎 («тигр»), причем изображал этот иероглиф с характерным извивающимся тигриным хвостом. Иероглиф 鉄 («железо») заменил на 徹 («пронзатель»). Его имя, сохранив прежнее звучание, стало означать «пронзенный тигр», явно имея в виду древнекитайскую легенду о стрелке Ли Ко (яп. Рико), который мстил тигру-людоеду, убившему его мать. Стрелок долго тренировался и достиг такого мастерства, что выпущенная им стрела не только пробила насквозь тигра, но и полностью вошла в скалу. Таким образом, Котэцу 虎徹 своим новым именем заявлял, что он «пронзил тигра», то есть стал настоящим мастером кузнечного дела. Однако нет предела совершенству: в первый год эры Канбун (1661) он опять изменил написание имени — вместо иероглифа 虎 стал использовать его архаичную

форму 席, намекая на то, что он понял секреты старых мастеров [Yoshikawa...].

Что касается вариантов подписи Котэцу, то он использовал разнообразные варианты: 長曾祢奥里古鐵入道 «Нагасонэ Окисато Котэцу нюдо», 長曾祢奥里作 «Нагасонэ Окисато саку», 長曾祢奥里虎徹入道 «Нагасонэ Окисато Котэцу нюдо», 長曾祢虎徹入道興里 «Нагасонэ Котэцу нюдо Окисато», 席徹入道興里 «Котэцу нюдо Окисато», 長曾祢興里入道席徹 «Нагасонэ Окисато нюдо Котэцу», 長曾祢虎入道 «Нагасонэ Ко нюдо» и др.

Котэцу часто использовал развернутые подписи, например: 住東叡山忍岡辺邊長曾祢虎入道 (*Дзю тойдзан синобугаока-но хотори нагасонэ ко нюдо*) — «У горы Тэйдзан, в окрестностях холма Синобугаока Нагасонэ Ко нюдо» или упомянутую выше 本国越前住人半百居住武州之江戸鍛冶之工精精尽爾 — «Человек, проживший полсотни лет в родной стране Этидзэн, посвятил себя ковке мечей в Эдо, Бусю». Таким образом, надписи на некоторых клинках Котэцу отмечают важнейшие вехи его творчества.

В настоящее время сохранилось чуть более тридцати клинков работы Котэцу (катана и вакидзаси, а также ножи когатана), подлинность которых не вызывает сомнения. Мечи, выкованные в разные периоды жизни, могут иметь заметные отличия, однако у них есть общие особенности.

Форма. Большая часть работ Котэцу имеет характерную форму «Канбун-то», то есть «мечей эры Канбун»: *синоги-дзукури* (с выраженным продольным ребром, идущим по всему клинку, включая черен), с небольшим изгибом, ширина клинка в верхней и нижней частях различается не очень сильно; вершина клинка (*киссаки*) имеет тенденцию к удлинению (*о-киссаки*), особенно на более поздних образцах. *Накаго* (черен), как правило, имеет вершину формы *ха-агари* или *кэнгё*, аккуратную опилку (*ясуримэ*) в стиле *судзикай* (*судзитигай*). *Мэй* (подпись) тяготеет к середине черена и выстраивается вокруг его продольной оси [Yoshikawa...].

Гравюра. Многие клинки Котэцу украшены очень красивой гравюрой (*хоримоно*) в стиле *Этидзэн-бори*, то есть отличается рельефностью, детальностью и глубиной проработки. Как правило, это изображения персонажей буддийского или синтоистского пантеона, вырезанные в технике *нику-аи-бори*, часто сопровождаются

изображениями *бондзи* — стилизованных «буддийских иероглифов». Обычно Котэцу в мэи указывал, что он также является автором гравюры (彫物同作 *хоримоно онадзи саку*). Чаще всего гравюра встречается на более ранних работах. Есть мнение, что при помощи изысканной гравюры Котэцу ликвидировал неудачные участки на поверхности клинка.

Фактура ковки и закалки. В целом, стиль ковки Котэцу с некоторыми оговорками можно отнести к традиции позднего Сосюдэн. Линия закалки *хамон* — как правило, очень яркая красивая волнистая линия *гуномэ* («регулярные волны»), местами переходящая в *сугуха* (прямая линия), *гономэ-мидарэ* («иррегулярные волны»), *торан-ха* («высокие волны»), *хэтан-ба* (волны, напоминающие формой тыкву-горлянку), реже — *тогари-ба* (острые «зубья») и *аси* («ножки»). Обычно линия закалки имеет выраженный эффект *якидаси* — заходит за область *хамати* на черен. *Хамон* сопровождается красивыми, яркими и интенсивными скоплениями *дзи-ниэ* (ярких мелких кристаллов мартенсита), не только сконцентрированных вдоль линии закалки, но и обильно рассыпанных по всей поверхности клинка. Поэтому клинки Котэцу (особенно более поздние) считаются самыми яркими, и такая ковка является ноу-хау мастера, особенностью его индивидуального стиля, не поддающегося подражанию. Присутствуют и другие эффекты закалки — яркие *кинсудзи*, *тикэй*, *сунагаси* и др. Фактура ковки (*дзихада*) — мелкая плотная *ко-итамэ*, местами — *хэтан-хада* (узоры в виде тыквы-горлянки), которые тяготеют к тем участкам клинка, что во время нанесения удара испытывают наибольшее напряжение (есть мнение, что в этом отчасти и заключается секрет особой прочности мечей Котэцу).

Скончался мастер в 1678 г. (по другим данным, в 1673 г.) и был похоронен в буддийском храме Мёкандзи 妙観寺 в Эдо [Sesko 2012: 148]. Котэцу обучил троих учеников, которые стали вполне достойными кузнецами: Нагасонэ Окимаса 興正 (приемный сын Котэцу), Окихиса 興久 и Окинао 興直. Многие клинки Нагасонэ Окимаса фактически не отличаются от работ самого Котэцу.

Слава об особых качествах клинков Котэцу быстро разлетелась по всей Японии; многие состоятельные *буси* желали их приобрести за любые деньги. Своеобразной рекламой Котэцу стало убийство мечом его работы первого министра (*тайро*) *Токугава бакуфу*, Хот-

та Масатоси, совершенное в Эдоском замке в 1684 г. князем Инаба Масаясу. Однако подлинных работ мастера было немного (чуть больше тридцати), и поэтому появилось множество подделок. Среди последних также есть немало интересных работ. Так, вероятно, упоминавшийся выше меч Инаба Масаяси не был подлинной работой Котэцу. Прекрасным мечом с поддельной подписью Котэцу владел Кондо Исами, знаменитый самурай периода Бакумацу, командир пресловутого карательного отряда Синсэнгуми, созданного правительством Токугава для защиты интересов сёгуната в императорской столице Киото от орудовавших там враждебных *бакуфу* группировок южных кланов [Yoshikawa...].

Среди кузнецов, ловко имитировавших манеру Котэцу, особо известен Хосода Наомицу (Хосода Хэйдзи Кадзихэй Наомицу) 細田平次郎鍛冶平直光, работавший в период Бакумацу. Известность ему принесли не его работы в стиле *синсинто*, а многочисленные качественные подделки под стиль и подпись великого мастера.

В настоящее время клинки работы Котэцу представляют собой большую редкость и очень высоко ценятся; некоторые из них удостоились высокого статуса *дзюё бидзюцу хин* («важный объект искусства»), *дзюё бункадзай* («важный объект культуры»). Большая часть подлинных работ Котэцу находится в частных коллекциях и время от времени появляется на ведущих японских и международных аукционах. Несколько клинков хранятся в синтоистских святилищах Японии, несколько — в японских музеях, например: Сэйкадо Бунко Бидзюцукан, Токио; Сано Бидзюцукан, Мисима; Sano Art Museum, Mishima; Цукамото Бидзюцукан, Тиба.

Библиография

Баженов А.Г. История японского меча. СПб.: Атлант; Издат. дом «Балтика», 2001. 264 с.

Баженов А.Г. Экспертиза японского меча. СПб.: Атлант, 2003. 440 с.

Kanzan S. The Japanese Sword. A Comprehensive Guide. Tokyo; N.Y.; L.: Kodansha International, 1983. 220 p.

Ogawa M. Arts of the Samurai. Japanese Arms and Armor. 1156–1868. N.Y.: The Metropolitan Art Museum, 2009. 358 p.

Sesko M. Legends and Stories around the Japanese Sword 2. 2012. 192 p.

The 40th Anniversary of Sano Art Museum, Special Exhibition. The Flores of Japanese Sword Masters of the Edo Period — Kotetsu and Kiyomaro. Mishima: Sano Museum, 2006. 159 p.

Yoshikawa S. Kotetsu // Shoshin Newsletter [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sho-shin.com/kotets.pdf> (дата обращения: 11.02.2014).